

Расовое профилирование как разновидность надзора и секьюритизирующая практика

Ксения Григорьева

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук
Адрес: ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218 Российская Федерация
E-mail: kseniagrigroryeva@yandex.ru

Исследования расового профилирования — сравнительно новая, динамично развивающаяся область знания, привлекающая растущее внимание научного сообщества. Однако разработка этого направления сопряжена с рядом трудноразрешимых теоретико-методологических проблем. Помимо сложности надежного установления самого расового дисбаланса в работе правоохранительной системы при помощи используемых в настоящее время методологических подходов, существует проблема недостаточного теоретического осмысления данного явления. Исследования уголовного правосудия, к которым традиционно относят изучение расового профилирования, не слишком богаты теоретическими подходами. Как правило, они сосредоточены на несовпадении законодательно установленных норм и реальных практик, носят скорее описательный, нежели аналитический характер. Кроме того, фокусировка исключительно на работе правоохранительных органов чрезмерно сужает исследовательское поле, оставляя «за кадром» акторов, активно участвующих в инициировании и осуществлении расового профилирования, но не имеющих прямого отношения к вопросам обеспечения безопасности. В данной статье предпринимается попытка поместить проблему расового профилирования в более широкий контекст изучения надзора и секьюритизации на примере тематического исследования особого контроля, установленного в России над выходцами с Кавказа, Средней Азии, Украины и цыганами.

Ключевые слова: расовое профилирование, исследования уголовной юстиции, надзор, секьюритизация

Расовое профилирование¹ — явление, существующее в разных странах мира в течение многих десятилетий. Научная разработка этой проблемы началась сравнительно недавно — в первой половине 1990-х годов — и была связана с серией громких судебных разбирательств в США, в ходе которых истцы утверждали, что были остановлены дорожной полицией не по причине нарушений ПДД, а из-за своей расы. Исследования научной группы под руководством Джона Ламберта (Lam-berth, 2004; Wilkins v. Maryland State Police, 1994; State v. Soto, 1996), проведенные по заказу судов, стали первыми работами, посвященными расовому профилиро-

---

1. Расовое профилирование — «использование правоохранительными органами, без объективных и разумных обоснований, таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследований» (ЕКРН, 2007).

ванию², положив начало новому направлению, которое быстро обрело популярность сначала в англоязычном научном мире, а затем и за его пределами. Особую актуальность этой теме придавал широкий общественный резонанс, вызванный признанием неравного обращения полиции с гражданами разной расовой и этнической принадлежности, а также растущая потребность в научном подтверждении/опровержении существования расовой избирательности в работе конкретных полицейских участков и управлений при возникновении новых судебных исков или общественно-политических дискуссий.

Несмотря на бурное развитие новой области исследований, уже в начале 2000-х годов было признано, что используемые аналитиками подходы обладают рядом трудноустраняемых недостатков. Помимо сложностей в измерении возможных расовых диспропорций в полицейских остановках и обысках, главной из которых служила пресловутая «проблема знаменателя»³, серьезным изъяном работ, посвященных расовому профилированию, была чрезвычайно слабая, а иногда и вовсе отсутствующая теоретическая база. Робин Энгель, Джон Калнон и Томас Бернард, первыми указавшие на теоретическую несостоятельность значительной части исследований расового профилирования, подчеркивали: многие ученые видят свою задачу в простом установлении расового дисбаланса в работе правоохранителей, полагая, что это автоматически свидетельствует о предвзятости органов правопорядка. Справедливо указывая, что подобный подход едва ли может быть признан удовлетворительным, авторы отстаивали положение о том, что даже при надежном доказательстве расовых диспропорций в полицейской деятельности причина необязательно должна крыться в предрассудках. Альтернативными объяснениями могут служить, к примеру, особенности поведения граждан из числа меньшинств, воспринимаемые полицейскими как подозрительные, или неравномерное распределение полицейских сил по городским районам.

Энгель, Калнон и Бернард утверждали, что работы, не имеющие теоретической основы, не могут считаться полноценными научными исследованиями, и предлагали использовать для анализа расового профилирования, осуществляемого по инициативе отдельных офицеров полиции, социально-психологические подходы, интеракционистскую точку зрения и теорию ожиданий, а для изучения расового профилирования на уровне полицейских подразделений или правоохранительной системы в целом — концепции, применяющиеся в исследовании организаций и управления (Engel, Calnon, Bernard, 2002).

Признавая обоснованность тезиса о необходимости теоретической базы для любой научной работы, отметим, что внимание авторов полностью сосредоточено на поведении полицейских и функционировании правоохранительных органов — традиционный подход, при котором исследования расового профилирования рас-

2. Необходимо отметить, что изучение расовой предвзятости в системе уголовного правосудия имеет длительную историю и восходит по меньшей мере к середине XX века (подробнее об этом см.: Григорьева, 2019).

3. То есть отсутствие надежного эталона, позволяющего установить, действительно ли некоторые группы граждан необоснованно привлекают повышенное внимание правоохранителей (см. подробнее об этом: MVA, Miller, 2000; Walker, 2001).

сматриваются как органическая часть изучения системы уголовного правосудия. Такой подход может быть продуктивен, однако он нередко приводит к чрезмерному сужению фокуса исследования, заставляя видеть в рассматриваемой проблеме лишь дисфункцию полиции. Вместе с тем анализ документальных источников показывает, что среди инициаторов и исполнителей расового профилирования числятся не только представители правоохранительной системы («профессионалы безопасности» по терминологии Дидье Биго), но также лица и организации, не имеющие прямого отношения к органам правопорядка (см. подробнее об этом: Григорьева, 2020). Более широкий взгляд на расовое профилирование способен обогатить существующие представления и разнообразить выбор теоретических подходов для проведения соответствующих исследований.

Расовое профилирование как особый вид надзора

Несмотря на то что расовое профилирование, безусловно, может анализироваться в рамках изучения работы учреждений уголовной юстиции, где основное внимание ученых сосредоточено на несовпадении писанных правил и реальных практик, повсеместном распространении дискреции и эффектах, к которым это приводит, существует возможность взглянуть на данное явление с альтернативной точки зрения: в контексте изучения надзора. Это направление исследований представляет собой обширную область, насыщенную самыми разнообразными теоретическими подходами, среди которых выделяется классическая фукодианская паноптическая модель (Фуко, 1999), концепция надзорной сборки (ассамбляжа) Кэвина Д. Хаггерти и Ричарда В. Эриксона (Haggerty, Ericson, 2000), акторно-сетевой подход Дэвида М. Вуда и Кирсти Болл (Wood, 2012; Ball, 2002), концепция социальной сортировки Дэвида Лиона (Lyon, 2009). Последняя особенно полезна для изучения расового профилирования, поскольку рассматривает надзор как явление, неравномерно затрагивающее различные группы населения. Разломы, как показывает Лион, часто пролегают по линии социального неравенства и специфических интересов надзирателей. Надзор при этом может иметь как положительные, так и отрицательные эффекты для поднадзорных. В частности, коммерческая слежка зачастую приводит к тому, что наиболее привлекательные для бизнеса клиенты получают самые выгодные предложения о покупке товаров и услуг. В то же время те, кто попадает в поле особого внимания правоохранительных органов, несут повышенные издержки по сравнению с теми, кто не вызывает интереса правоохранителей. На проблему неравномерного распределения бремени надзора и его связь с социальным неравенством указывает и Биго (Bigo, 2004), отмечая, что внимание профессионалов безопасности, как правило, сосредоточено на бедных и маргинальных слоях населения, не являющихся потенциальными потребителями⁴.

---

4. Идею о связи специального надзора за отдельными группами населения и социальной стратификации высказывают также авторы одной из немногих российских работ, посвященных расовому профилированию «Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия» (Воронков, Гладков, Сагитова, 2011).

Взгляд на расовое профилирование сквозь призму исследований надзора помогает увидеть это явление в ряду других надзорных практик, пронизывающих сегодняшнее общество. Как подчеркивают Хаггерти и Эриксон, в современном мире ранее не связанные системы слежения интегрируются друг с другом, делая надзор всепроникающим. Иерархия надзора, при которой представители высших классов ранее могли от него ускользнуть, постепенно выравнивается и «общая волна слежки захлестывает всех» (Haggerty, Ericson, 2000: 609). Интенсивность надзора начинает зависеть от частоты взаимодействия с организациями: чем она выше, тем слежка сильнее.

Всеобъемлющий характер отслеживающих практик, их зависимость от интересов различных социальных акторов, выступающих в роли надзирателей, калейдоскопичность и подвижность видов и форм надзора усложняет распространенное представление о расовом профилировании как об уникальном явлении, базирующемся на извечных предрассудках в отношении небольшого числа расовых/этнических меньшинств.

Ретроспективный взгляд на особый контроль над меньшинствами показывает, что состав таргетированных групп меняется в зависимости от текущей конъюнктуры. К примеру, до 11 сентября 2001 года основной мишенью расового профилирования в США было чернокожее население, но после теракта центр тяжести сместился на арабо-мусульманское сообщество.

Это позволяет предположить, что вопреки доминирующему представлению о фундаментальной причинно-следственной связи между расизмом и расовым профилированием, в действительности расовая и этническая предвзятость может играть значительно меньшую роль, чем принято считать, а на первый план могут выходить ситуативные факторы, конъюнктурные интересы организаций, осуществляющих слежку, и связанные с ними дискурсы о безопасности.

Расовое профилирование как следствие секьюритизации

Расовое профилирование неразрывно связано с дискуссиями об эффективном обеспечении безопасности. Идет ли речь о борьбе с терроризмом, войнах с наркотиками или преступностью в целом, в основе этих обсуждений всегда лежит представление об «опасных» группах, над которыми необходимо установить повышенный контроль ради спокойствия остальных. Вследствие этого для лучшего понимания причин возникновения и природы расового профилирования необходимо подробнее остановиться на понятии безопасности. Теория секьюритизации, предложенная Барри Бьюзенем и Оле Вейвером, до сих пор является непревзойденным инструментом в этой области.

Секьюритизация определяется авторами как перформативный речевой акт⁵, при успешности которого (т. е. при принятии его целевой аудиторией) та или иная

---

5. Речевой акт равный действию.

проблема выводится за рамки нормальной политики. Ситуация объявляется настолько чрезвычайной и угрожающей, что допустимыми признаются меры, которые в других случаях были бы отвергнуты как противоречащие закону и морали. Неважно при этом, насколько объективна декларируемая угроза, любая проблема при помощи секьюритизации может быть превращена в вопрос жизни и смерти. Безопасность, таким образом, в данной перспективе рассматривается не как само собой разумеющееся благо, к которому следует стремиться, но как опасная самореферентная практика, «стабилизирующая конфликтные или угрожающие отношения, часто через чрезвычайную мобилизацию государства» (Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 4).

Процессы секьюритизации, согласно Бьюзену и Вейверу, должны изучаться посредством анализа дискурсов и политических констелляций. Однако есть и альтернативная точка зрения, выдвинутая Биго и отдающая приоритет рутинным секьюритизирующим практикам профессионалов безопасности (Bigo, 2002). Спор о том, что первично в процессе секьюритизации: дискурсы или практики, длится уже более двадцати лет и до сих пор не разрешен. Как правило, они исследуются сепаратно, что неудивительно, поскольку в качестве дискурсов обычно анализируются разнообразные политические высказывания в СМИ, а в качестве практик — никак не связанные с ними рутинные действия профессионалов безопасности⁶.

Интересно, что Биго, опираясь на теорию Пьера Бурдьё, игнорирует одно из ее ключевых понятий — символическую власть, и связанные с ним размышления о перформативах. Находя лингвистическую трактовку перформатива несостоятельной, Бурдьё подчеркивает бессмысленность поиска в языке того, что на самом деле вписано в социальные отношения (Bourdieu, 1991: 38). Слова черпают свою магическую силу не из грамматики, утверждает он, а из символического капитала говорящего. Чем больше его объем, тем больше шансов на то, что слова приобретут свойства действия. Предельным случаем перформатива Бурдьё считает правовой акт, который, будучи утвержден уполномоченным лицом, способен преобразовать социальную реальность. Подход Бурдьё позволяет преодолеть разрыв между секьюритизирующими дискурсами и практиками, сузив исследовательское поле до секьюритизирующих правовых актов и связанных с ними секьюритизирующих действий.

Применение теории секьюритизации к изучению расового профилирования, с учетом бурдьёвистского понимания перформатива, дает возможность увидеть, в какой момент и как те или иные группы становятся мишенью расового профилирования, а также проанализировать институциональные механизмы его осуществления.

Эмпирическое исследование в данном случае может проводиться как при помощи анализа дискурсов (секьюритизирующих правовых актов и отчетов об их исполнении), так и посредством наблюдения за соответствующими прак-

---

6. Впрочем, несколько попыток совместить описанные подходы все же предпринималось (Boisbeau, 2014; Trombetta, 2014).

тиками. Следует отметить, что в обоих случаях аналитик наверняка столкнется с проблемой доступа к релевантным источникам информации: поскольку расовое профилирование является дискриминационной практикой, оно, как правило, осуществляется скрытно. При работе с документами исследователь вряд ли сможет получить доступ ко всему массиву данных и будет вынужден работать с так называемой естественной выборкой источников, т. е. с теми документами, которые, вследствие каких-то причин, попали в открытый доступ. В случае же наблюдения, помимо вероятного нежелания его объектов демонстрировать исследователю неконвенциональное поведение, неизбежно возникнет проблема интерпретации наблюдаемых действий. Как уже отмечалось некоторыми учеными, доказать дискриминационные побуждения актора возможно лишь в том случае, если он сам открыто их признает. Во всех прочих ситуациях наблюдателю остается лишь догадываться об истинной мотивации объекта наблюдения.

Теоретико-методологический подход и эмпирическая база тематического исследования

Тематическое исследование, представленное ниже, отходит от классического подхода к изучению расового профилирования в русле исследований уголовной юстиции, опираясь на концепцию социальной сортировки Лиона и теорию секьюритизации. Эмпирической базой для него служат документальные источники, где ясно выражены дискриминационные намерения в отношении отдельных групп населения на основании их этнической или национальной принадлежности, или региона происхождения (распоряжения и отчеты о полицейских облавах и разнообразных проверках по указанному принципу, проведении «профилактических бесед», осуществлении слежки, сбора и передачи информации о данных группах).

Поиск документов осуществлялся с марта 2017 года по май 2023-го в справочно-правовых системах «Гарант», «Консультант», «Законы и постановления РФ», на официальных сайтах российских органов власти и местного самоуправления, в СМИ по ключевым словам: «лица кавказской национальности/ЛКН», «лица чеченской национальности», «лица среднеазиатской национальности», «лица цыганской национальности», «лица украинской национальности», «выходцы с Кавказа», «выходцы из Северо-Кавказского региона/Северокавказского региона/СКР», «уроженцы Кавказа», «выходцы из Средней Азии/Среднеазиатского региона», «прибывшие из Северо-Кавказского региона/Северокавказского региона/СКР», «прибывшие из Закавказья и Средней Азии», «выходцы с Украины», «уроженцы Украины», «оперативно-профилактические мероприятия по отработке лиц», «мест компактного проживания выходцев», «операция “Табор”» и другим. Обнаруженные документы заносились в базы данных, организованные по тематическому, хронологическому и географическому принципам. Всего было сформировано три базы данных.

1) База данных, составленная в ходе проведения мониторинга открытых источников в 2017–2020 годах. Здесь преобладали документы, в которых речь шла о профилировании выходцев с Кавказа и Средней Азии. Поиск проводился в БД «Гарант», «Консультант», «Законы и постановления РФ», на официальных сайтах МВД, в поисковых системах «Яндекс» и Google методом «снежного кома»: после изучения первых партий найденных документальных источников формулировки запросов корректировались в соответствии с употребляемой в них терминологией, после чего запускались новые волны мониторинга.

2) База данных, разработанная в ходе изучения документов, где сообщалось о профилировании уроженцев Украины. Поиск релевантных документальных источников проводился в феврале-марте 2022 года в БД «Гарант» и на 84⁷ официальных сайтах региональных отделений МВД РФ.

3) База данных, сформированная в процессе исследования профилирования цыган, реализованного в 2022–2023 годах. Мониторинг осуществлялся на 84 официальных сайтах региональных отделений МВД РФ, четырех сайтах территориальных подразделений УМВД по Брянской области, в БД «Гарант», поисковых системах Яндекс и Google.

Всего было обнаружено 3293 релевантных документа, изданных за период с 1994 по 2023 год в 76 российских регионах. Наиболее многочисленной категорией документальных источников являются отчеты участковых уполномоченных полиции, содержащие информацию о проведении облав и «профилактических мероприятий», проверке документов, сборе информации о выходцах с Кавказа, Средней Азии, Украины и цыганах, а также призывы к населению проявлять бдительность и сообщать сведения о перечисленных категориях граждан в МВД РФ (2825 ед.). Обнаружено также немалое количество официальных распоряжений региональных органов законодательной и исполнительной власти, исполнительно-распорядительных и законодательных органов местного самоуправления об осуществлении подобных мероприятий (190 ед.), отчетов об их реализации (266 ед.). Самая малочисленная категория источников — официальные сообщения в СМИ (12 ед.), что обусловлено стремлением избежать включения в эмпирический массив публикаций в прессе, которые, строго говоря, не являются документами. Тем не менее некоторые материалы СМИ были использованы как дополнительный источник информации о проведении полицейских облав на указанные категории населения (если сведения о данных мероприятиях не были обнаружены в документах).

Вследствие затрудненного доступа к полному массиву документальных источников, значительная часть которых, вероятно, имеет гриф «для служебного пользования», работа велась с естественной выборкой документов.

---

7. Санкт-Петербург и Ленинградская область имеют общий сайт <https://78.мвд.рф/>, по этой причине количество сайтов не соответствует числу российских регионов.

Особый надзор за некоторыми этническими группами, выходцами из отдельных стран и регионов в России

В современной России расовое профилирование нацелено главным образом на выходцев с Кавказа, уроженцев Средней Азии, Украины и цыган⁸. При этом надзор за данными группами был установлен не одномоментно. Хронологически, по всей видимости, первыми были чеченцы и, шире, выходцы с Кавказа (распоряжения о профилировании этой группы появляются сразу после начала первой чеченской кампании, в 1994 году). В конце 1990-х — начале 2000-х годов специальные надзорные практики распространились на уроженцев Средней Азии, что было связано с активизацией дискурса о международном исламском терроризме. С 2002 года в разных регионах России стали проводиться регулярные облавы на цыган под говорящим названием «Табор»⁹, начало которым было положено решением Межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией (далее — Комиссия Совета безопасности) от 11 июня 2002 года¹⁰. Наконец, украинцы попали под особый контроль с началом конфликта на Украине в 2014 году.

Стоит отметить, что предвзятость к перечисленным группам в периоды, предшествовавшие установлению за ними надзора, была выражена неравномерно. Так, в начале 1990-х годов в России существовала явная враждебность к выходцам из Закавказья (армянам, грузинам, азербайджанцам), однако по отношению к чеченцам, которые с 1994 года надолго стали основным объектом расового профилирования, неприязнь была выражена значительно слабее (Гудков, 2004: 110).

---

8. Данный список не является исчерпывающим перечнем групп, подвергающихся расовому профилированию. В ходе мониторинга нам встречались отдельные упоминания об особом контроле над «лицами курдской национальности», выходцами из стран Ближнего Востока. Тем не менее проведенные исследования показывают, что уроженцы Кавказа, Средней Азии, Украины и цыгане в настоящее время являются основным объектом расового профилирования в России. Хотя, вероятно, выборка документов смещена вследствие формулировок поисковых запросов, категории населения, «представляющие особый интерес» для профессионалов безопасности, нередко упоминаются в документах вместе, что позволяет выявить основной круг таких категорий через несколько волн мониторинга, даже если первичный поиск по ключевым словам был нацелен только на одну из групп. Именно так было установлено, что внимание правоохранителей привлекают не только выходцы с Кавказа (на которых было сфокусировано наше первое исследование), но и уроженцы Средней Азии, цыгане и украинцы. Данные правозащитных организаций подтверждают эти выводы: в их отчетах неоднократно отмечалось, что чаще всего расовое профилирование в России осуществляется в отношении выходцев с Кавказа, из Средней Азии и рома (см., например, заключительные замечания КЛРД по двадцать третьему и двадцать четвертому периодическим докладам РФ за 2017 г., заключительные замечания КЛРД по двадцать пятому и двадцать шестому периодическим докладам РФ за 2023 г.). Отсутствие уроженцев Украины в этом списке, по-видимому, объясняется тем, что они привлекли внимание профессионалов безопасности значительно позже остальных и, как показывает анализ документальных источников, до недавнего времени подвергались менее интенсивному надзору, чем другие.

9. Согласно Н. Бессонову, профилирование цыган осуществлялось еще в 1990-е годы, что было обусловлено наследием советских милицеских практик борьбы со «спекулянтами» (Бессонов, 2000).

10. Первые операции «Табор» были проведены по инициативе МВД РФ в феврале-марте 2002 года в Москве, Московской области, Петербурге, Самарской и Иркутской областях, Чувашской Республике и Хабаровском крае.

Вместе с тем к концу 1990-х годов они уже возглавляли список главных объектов вражды. Предвзятость к уроженцам Средней Азии и в начале, и в конце 1990-х годов стремилась к нулю (Ibid.). При этом к концу 2000-х годов неприязнь к этой группе заметно возросла (ВЦИОМ, 2009). По отношению к украинцам постоянно превалировали симпатии, но после 2014 года враждебность к ним также начала расти (Левада-центр¹¹, 2015). Цыгане — единственная группа из перечисленных, неприязненное отношение к которой находилось примерно на одном (довольно высоком) уровне в 1990-х и 2000-х годах, когда стали проводиться регулярные операции «Табор» (Гудков, 2004: 110; ВЦИОМ, 2009).

Таким образом, враждебность до установления надзора за тремя из четырех упомянутых групп была существенно ниже, чем после этого, что позволяет предположить (помимо других причинно-следственных связей) существование обратной зависимости между предвзятостью и расовым профилированием. Возможно, зачастую не предрассудки ведут к установлению особого надзора, а его установление приводит к возникновению новых или укреплению уже существующих предрассудков.

В любом случае, само по себе существование предвзятости к той или иной группе не влечет за собой автоматического осуществления в отношении нее расового профилирования. В частности, в России в начале 1990-х годов в перечне этнонациональных групп, вызывающих наибольшую неприязнь, латыши занимали четвертую строку, а евреи — пятую (Гудков, 2004: 110). Однако ни в указанный, ни в последующие периоды расовое профилирование в отношении них не осуществлялось. По всей видимости, для того чтобы такой надзор был установлен, необходимо какое-то «запускающее» событие, связанное с вопросами безопасности, и/или соответствующая бюрократическая и, шире, политическая конъюнктура. Так, в случае выходцев с Кавказа и украинцев стимулом к осуществлению расового профилирования послужило начало вооруженных конфликтов; в случае уроженцев Средней Азии — дискурс об участии международных исламских террористических организаций во Второй чеченской войне; в ситуации с цыганами — бюрократические интересы Комиссии Совета безопасности, в чьей повестке дня 11 июня 2002 года стояла разработка мероприятий, направленных на профилактику правонарушений, беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, в которую хорошо укладывались стереотипные представления о краже цыганами детей¹² и их эксплуатации. Используя терминологию Лиона, можно заключить, что социальная сортировка происходила по принципу интуитивной (само собой разумеющейся) привязки той или иной группы к тому или иному событию/повестке, связанным с вопросами обеспечения безопасности. При этом группа могла маркироваться как «опасная» и на основании существующих в отношении нее стереотипных суждений, укладывающихся в логику запускающего события/повестки

11. Организация признана иностранным агентом.

12. По заявлениям представителей МВД хорошо видно, что поиск «украденных» детей рассматривался как одна из приоритетных задач операции «Табор». См., к примеру: РИА «Новости», 2002.

(цыгане, уроженцы Средней Азии), и по причине того, что она была непосредственно затронута запускающим событием (чеченцы, украинцы).

Интересно, что надзор за выходцами с Кавказа, Средней Азии, цыганами и украинцами пересекается с надзором за мигрантами. Многие представители перечисленных групп одновременно являются приезжими на территориях своего пребывания, что делает их особенно заметными для профессионалов безопасности. Статус мигранта и принадлежность к «неблагонадежной» этнической группе создает двойное бремя, резко повышая риск для людей с указанными характеристиками быть отсортированными в качестве представляющих высокий интерес для организаций, отвечающих за обеспечение безопасности. Это бремя особенно возросло для уроженцев Средней Азии после принятия Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, который относит иностранных граждан, приезжающих в Россию для работы и обучения «из стран с повышенной террористической активностью»¹³, к категории «лиц, подверженных идеологии терроризма, а также подпавших под ее влияние» (Комплексный план..., 2018: 4).

Кроме того, статус мигранта зачастую сопрягается с низкой социальной позицией и прекарностью занятости. По наблюдениям Биго, надзор за мигрантами представляет собой контроль над бедными путешественниками, которых рассматривают как угрозу стабильности принимающего сообщества (Bigo, 2004). Таким образом, данная форма надзора, помимо прочего, связана с социальной стратификацией и распространенными формами контроля над «низшими классами».

Секьюритизация и расовое профилирование выходцев с Кавказа, Средней Азии, Украины и цыган

Осуществлению расового профилирования каждой из названных групп предшествовали секьюритизирующие дискурсы, включавшие в себя секьюритизирующие правовые акты (обозначим их как перформативы первого порядка). Под правовыми актами при этом подразумеваются не только законы, но и подзаконные акты, в т.ч. общие, местные, локальные, ведомственные и прочие постановления, создающие огромное количество новых институциональных правил игры и узаконенных представлений.

Сложно сказать, исходил ли изначальный импульс установления особого надзора за перечисленными группами из центра или из регионов. Соответствующие

---

13. Перечень таких стран должен предоставляться аппаратом Национального антитеррористического комитета в рамках ежегодных рекомендаций по планированию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Хотя данные рекомендации в открытом доступе не обнаруживаются, в большинстве найденных документов, где указаны «страны с повышенной террористической активностью», речь идет о среднеазиатских государствах. В письме Минпросвещения России от 29.08.2019 № 06-920 «О методических рекомендациях» также говорится о «лицах, прибывающих в Российскую Федерацию из стран Центрально-Азиатского региона» (Письмо..., 2019: 13).

распоряжения, находящиеся в открытом доступе, не позволяют с уверенностью ответить на этот вопрос. Однако необходимо учитывать, что вследствие концентрации символического капитала в политическом центре, воздействие исходящих из него секьюритизирующих перформативов первого порядка, как правило, мощнее региональных аналогов. Это особенно хорошо заметно на примерах секьюритизирующих правовых актов, спускающихся из центра на периферию по многочисленным бюрократическим цепочкам и представляющих собой самореферентный дискурс, многократно воспроизводящий первичное перформативное высказывание. Таков, к примеру, принцип действия решения Комиссии Совета безопасности о проведении регулярных межведомственных профилактических операций «Табор» или Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, предусматривающего постоянную профилактическую работу с гражданами государств «с повышенной террористической активностью». Впрочем, даже когда секьюритизирующий перформатив создается региональными властями центральных субъектов, а не руководством тех или иных органов федеральной власти, он также имеет шансы быть воспроизведенным в других более периферийных регионах. Так случилось, например, с распоряжениями московских и петербургских властей, повторенными новгородской администрацией в 1994 году: «С учетом решений Правительства городов Москвы и Санкт-Петербурга решить вопрос ограничения прописки в городе граждан «кавказской национальности», ввести их обязательную регистрацию в УВД, устанавливать срок пребывания в Новгороде» (Постановление Администрации..., 1994).

Сказанное отнюдь не означает, что периферийные секьюритизирующие перформативы первого порядка не порождают производных перформативов. Любой правовой акт характеризуется способностью генерировать производные правовые акты, которые, в свою очередь, генерируют новые производные правовые акты и так далее до тех пор, пока первичный правовой акт не будет отменен или не утратит актуальность. Отличием периферийного перформатива первого порядка от его аналога, созданного в центре, служит лишь менее широкий ареал потенциального распространения.

Принцип самореферентного воспроизводства секьюритизирующего перформатива первого порядка можно проследить на примере распоряжения правительства Белгородской области от 19 декабря 2011 г. № 698-рп «Об утверждении межведомственного комплексного плана мероприятий по профилактике проявлений терроризма и экстремизма на территории Белгородской области на 2012–2014 годы», предписывающего УМВД по Белгородской области, департаментам здравоохранения и социальной защиты населения, образования, культуры и молодежной политики, управлению жилищно-коммунального хозяйства области, органам местного самоуправления муниципальных районов и городских округов «выявлять факты сдачи <...> помещений¹⁴ в аренду различным коммерческим струк-

14. Речь идет об административных зданиях и жилых многоквартирных домах.

турам, обратив особое внимание на выходцев из Северо-Кавказского региона. При выявлении таких фактов принимать меры к расторжению договоров» (Приложение к Распоряжению..., 2011). Это предписание, спускаясь по вертикали, дословно воспроизводится в секьюритизирующих перформативах первого порядка более низкого уровня: распоряжениях администраций отдельных районов Белгородской области, городских округов и сельских поселений. Визуализация указанного процесса приводится на рисунке.

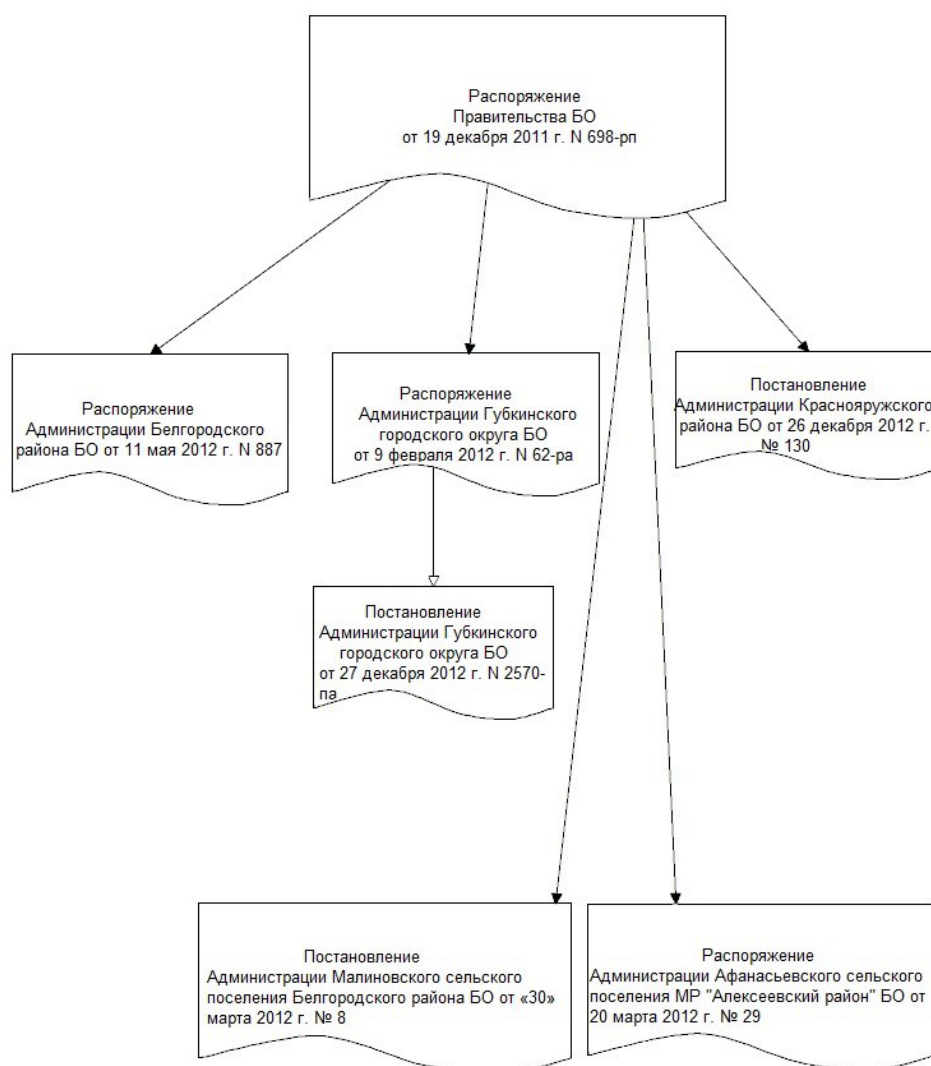

Рис. Процесс воспроизводства секьюритизирующего перформатива первого порядка на региональном уровне

Таким образом, перформативный правовой акт плодит производные правовые акты, постоянно тиражируя первичное перформативное высказывание, присваивающее выходцам из Северо-Кавказского региона характеристику «угрожающих» и превращающее все большее число акторов в исполнителей секьюритизирующих мероприятий.

Стоит добавить, что распоряжение правительства Белгородской области от 19 декабря 2011 г. № 698-рп само является производным, дословно цитируя более ранние постановления правительства Белгородской области от 7 июля 2006 г. № 152-пп и от 24 декабря 2007 г. № 289-пп.

В отчетных документах секьюритизирующие перформативы имеют тенденцию тиражироваться по горизонтали (посредством переписывания их друг у друга исполнителями секьюритизирующих мероприятий). Ярким примером горизонтального воспроизводства перформативов служат отчеты участковых уполномоченных полиции перед населением. В частности, фраза *«Вам следует также обращать особое внимание на поведение лиц кавказского и цыганского этноса, своевременно информировать полицию об их неправомерном поведении»* (Информационно-аналитическая записка..., 2015), впервые появившись в информационно-аналитической записке участкового уполномоченного полиции ОУУП и ПДН ОМВД России по Большесолдатскому району Курской области в 2015 году, была воспроизведена 52 раза в информационно-аналитических записках за 2017–2021 годы 40 его коллегами, работающими в Большесолдатском, Медвенском, Горшеченском, Тимском и Касторенском районах, а также в ОУУП и ПДН МО МВД России «Железнодорожский». Аналогичным образом фраза *«гражданам необходимо сообщать в отдел полиции либо участковому уполномоченному полиции о фактах обнаружения незнакомых лиц цыганской национальности, выходцев Северокавказского региона, иностранных граждан, по возможности запомнив марку и государственный номер автомобиля, на котором они передвигаются»* (Информационно-аналитическая справка..., 2014) была повторена в информационно-аналитических справках участковых уполномоченных полиции Брянской области за 2015–2020 годы 273 раза.

Бюрократический характер секьюритизирующих перформативов приводит к их постоянному воспроизводству, типизации и рутинизации. Обычным является перенос секьюритизирующих дискурсов и практик с одних таргетированных групп на другие. Показателен пример украинцев, подвергшихся профилированию значительно позже остальных. О том, что речь идет именно о тиражировании уже существующих подходов, свидетельствует типичный набор используемых в отношении этой группы надзорных технологий, ранее применявшийся к уроженцам Кавказа, Средней Азии и цыганам (сбор и обмен информацией заинтересованными ведомствами, разнообразные проверки, профилактические беседы), а также тот факт, что более чем в половине обнаруженных документальных источников выходцы с Украины фигурируют наряду с другими «неблагонадежными» группами. В частности, в информационно-аналитической справке об итогах деятельно-

сти Отдела МВД России по Балахнинскому району Нижегородской области за 2016 год сообщается: *«В целях оздоровления криминогенной обстановки, недопущение террористической угрозы одной из первоочередных задач, стоящей перед личным составом Отдела как в 2016 году, так и в наступившем 2017 является <...> выявление лиц, пребывающих из республик Северо-Кавказского региона, Среднеазиатских республик, Украины»*¹⁵ (Деятельность..., 2016: 3).

Секьюритизирующие практики, информацию о которых можно почерпнуть в отчетных документах, непосредственным образом связаны с секьюритизирующими перформативами первого порядка. Как правило, в целом они соответствуют сценариям, содержащимся в секьюритизирующих правовых актах. Например, п. 3.4 Комплексной программы усиления борьбы с преступностью в городе Биробиджане на 2001–2002 годы предусматривал разработку и реализацию комплекса *«мероприятий по проверке коммерческих фирм, предприятий всех форм собственности, в число аппарата управления которых входят лица кавказско-азиатской национальности, частных предпринимателей из числа выходцев из Северо-Кавказского региона на предмет пресечения финансирования экстремистских формирований на территории Чеченской республики, выявлению должностных лиц, оказывающих содействие по данным вопросам»* (Приложение..., 2001). Согласно отчету о выполнении программы, *«во исполнение пункта 3.4 программы в отчетном периоде проведено 16 проверок коммерческих фирм и предприятий в аппарат управления которых входят лица кавказско-азиатской национальности, частных предпринимателей — выходцев из Северо-Кавказского региона»* (Приложение..., 2002).

Хотя нельзя исключать возможность разнообразных приписок и фиктивных сообщений должностных лиц, массовость отчетов о секьюритизирующих практиках, высокий уровень детализации части из них, наличие фотографических отчетов, не позволяет усомниться в реальном существовании соответствующей деятельности. Ярким примером детализированного описания секьюритизирующей практики может служить следующее сообщение: *«В нашей области в течение месяца проведена операция «Табор». В проведении мероприятий по области еженедельно было задействовано более трёхсот полицейских. Отработывая жилой сектор, стражи порядка провели более 3,5 тысяч встреч, как с самими цыганами, так и их соседями. Параллельно проверялся их автотранспорт, на фотографический и дактилоскопический учёт были поставлены 287 лиц, 61 из которых прибыли в наш регион из других субъектов Российской Федерации. В основном это жители Тамбовской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Ростовской областей, Ставропольского края и Дагестана. Пять цыган приехали к нам из Украины, еще один — из Грузии»* (Regnum, 2011).

Таким образом, расовое профилирование неразрывно связано с процессами секьюритизации и само по себе может рассматриваться как комплекс специфиче-

---

15. Орфография и пунктуация автора здесь и далее сохранены.

ских секьюритизирующих дискурсов и практик, нацеленных на отдельные группы меньшинств. При этом секьюритизирующие дискурсы носят институциональный цитатный характер, постоянно воспроизводя первичный секьюритизирующий перформатив на разных уровнях бюрократической вертикали. Секьюритизирующие практики, являясь более или менее успешным воплощением сценариев, содержащихся в секьюритизирующих правовых актах, обладают высоким уровнем типизации и рутинизации, относительно легко распространяясь на новые группы, при возникновении новых «запускающих» событий/повесток.

Выводы и дальнейшие направления исследований

Расовое профилирование традиционно рассматривается как составная часть исследований уголовной юстиции. Хотя такой подход, фокусирующий внимание на распространенности дискреции в работе правоохранительной системы и разрыве между формально установленными нормами и реальными практиками, может быть плодотворен, он чрезмерно сужает исследовательское поле и обедняет выбор теоретических подходов для анализа указанного явления.

Исследование расового профилирования в контексте изучения надзора и секьюритизации позволяет углубить представления об этом феномене и разнообразить теоретическую палитру исследователя. Взгляд на расовое профилирование как на разновидность отслеживаемых практик дает возможность проанализировать неравномерность распределения бремени надзора не только в терминах расовой/этнической предвзятости, но и в контексте социальной стратификации, ситуативных факторов, конъюнктурных интересов акторов, выступающих в роли надзирателей.

Проведенный анализ показывает, что, вопреки распространенному мнению о прямой причинно-следственной связи между расовой предвзятостью и расовым профилированием, эта связь может быть обратной (предрассудки могут возникать/укрепляться вследствие установления надзора) или играть менее значимую роль, чем зачастую предполагается. Кроме того, по всей видимости, для появления институционального расового профилирования (в отличие от профилирования, осуществляемого по инициативе отдельных лиц) простого наличия предвзятости недостаточно. Необходимо некое запускающее событие/повестка, стимулирующие установление особого надзора над той или иной группой, которая интуитивным образом связывается с этим событием/повесткой.

Теория секьюритизации углубляет понимание того, как отдельные группы населения становятся мишенью расового профилирования, позволяет проанализировать институциональные механизмы его осуществления. Применение бурдьевистского подхода к анализу перформативных высказываний и фокусировка на секьюритизирующих перформативах первого порядка (правовых актах) дает возможность выявить непосредственную взаимосвязь между секьюритизирующими дискурсами и практиками, проследить их совместную работу по превраще-

нию ряда групп населения в «угрожающие», а массы игроков бюрократического поля — в исполнителей расового профилирования. Исследование показывает, что самореферентный характер перформативных дискурсов и практик приводит к многократному воспроизводству первичных секьюритизирующих высказываний и действий, их типизации, рутинизации и «пересаживанию» с одних групп на другие.

Представленная статья является лишь первой попыткой изучения расового профилирования в контексте теорий надзора и секьюритизации. Дальнейшими направлениями исследований могут служить: более подробный анализ дискурсивных стратегий секьюритизирующих субъектов (тех, кто постулирует угрозу, исходящую от отдельных групп населения, и принимает участие в создании первичных и производных перформативов первого порядка); изучение секьюритизирующих практик исполнителей распоряжений о расовом профилировании (как профессионалов безопасности, так и акторов, не имеющих непосредственного отношения к вопросам безопасности), их восприятия данных распоряжений, различий между реальным и декларируемым в отчетных документах поведением; исследование реакций внешних аудиторий на секьюритизирующие дискурсы и практики расового профилирования (включая игроков политического поля, общественные организации, локальные сообщества, широкие слои населения); анализ взаимосвязи расового профилирования с социальным неравенством, стремлением к установлению контроля над «опасными классами».

Источники

Информационно-аналитическая записка участкового уполномоченного полиции ОУУП и ПДН отделения МВД России по Большесолдатскому району к отчету перед населением Любимовского сельского совета по итогам работы за 6 месяцев 2015 года с Любимовка Большесолдатского района Курской области. URL: https://46.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti_pered_naseleniem/Bolshesoldatskij_rajon/item/6595423 (дата доступа: 12.06.2023).

Деятельность: Информационно-аналитическая справка. URL: <https://52.мвд.рф/folder/9573756/item/9573988> (дата доступа: 12.06.2023).

Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата доступа: 12.06.2023).

РИА «Новости» (2002). В ходе спецоперации МВД России «Табор» раскрыто 592 преступления, совершенных цыганами. URL: <https://ria.ru/20020730/199698.html> (дата доступа: 12.06.2023).

Regnum (2011). Калужские полицейские провели профилактическую операцию «Табор». URL: <https://regnum.ru/news/1442133> (дата доступа: 12.06.2023).

- Постановление Администрации г. Новгорода от 26 апреля 1994 г. № 62 «О Концепции социально-экономического развития города на 1994–1995 гг.». URL: <https://base.garant.ru/16501260/> (дата доступа: 12.06.2023).
- Приложение к решению городской думы от 25.01.2001 № 203. Комплексная программа «Усиление борьбы с преступностью в городе Биробиджане на 2001–2002 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/440583214> (дата доступа: 12.06.2023).
- Приложение 1 утверждено решением городской думы от 26.12.2002 № 499. Отчет о выполнении комплексной программы усиления борьбы с преступностью в городе Биробиджане на 2001–2002 годы. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2498995> (дата доступа: 12.06.2023).
- Приложение к Распоряжению от 19.12.2011 г № 698-ПП План. Межведомственный комплексный план мероприятий по профилактике проявлений терроризма и экстремизма на территории Белгородской области на 2012–2014 годы. URL: <https://belg-gov.ru/doc/20798> (дата доступа: 12.06.2023).
- Информационно-аналитическая справка на выступающего 24 декабря 2014 года участкового уполномоченного полиции ОУУП И ПДН МО МВД России «Трубчевский», обслуживающего административный участок № 12. URL: <https://32.мвд.рф/Dejatelnost/deyatelnost/trubchevskiy/item/2993514> (дата доступа: 12.06.2023).
- Письмо Минпросвещения России от 29.08.2019 № 06-920 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по планированию и информационному сопровождению мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы в субъектах Российской Федерации»). URL: https://bgt-borsкое.ru/wp-content/uploads/2020/05/minprosvet_06_920.pdf (дата доступа: 12.06.2023).

Литература

- Бессонов Н. В. (2000). Цыгане и пресса. Вып. 1. URL: <http://gypsy-fond.com/pressai> (дата доступа: 12.06.2023).
- Воронков В., Гладарев Б., Сагитова Л. (ред.) (2011). Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия. СПб.: Алетейя.
- ВЦИОМ (2009). Толерантность против ксенофобии: этнические симпатии и антипатии россиян. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tolerantnost-protiv-ksenofobii-etnicheskie-simpatii-i-antipatii-rossiyan> (дата доступа: 12.06.2023).
- Григорьева К. С. (2019). Расовое профилирование. История и современное состояние исследований // Демографическое обозрение. № 4. С. 104–127.
- Григорьева К. С. (2020). Этнически избирательный контроль: дисфункция правоохранительной системы или социальный институт? // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 2. С. 299–312.

- Гудков Л. (2004). Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А.
- ЕКРН (2007). Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 11: «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов». URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-sgeneral-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата доступа: 12.06.2023).
- Левада-центр (2015). Российско-украинские отношения в зеркале общественного мнения: сентябрь 2015. URL: <https://www.levada.ru/2015/10/05/rossijsko-ukrainsk-ie-otnosheniya-v-zerkale-obshhestvennogo-mneniya-sentyabr-2015/> (дата доступа: 12.06.2023).
- Фуко М. (1999). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem.
- Ball K. (2002). Elements of Surveillance: A New Framework and Future Direction // *Information, Communication and Society*. Vol. 5. № 4. P. 573–590.
- Bigo D. (2002). Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // *Alternatives*. Vol. 27. Special Issue. 63–92.
- Bigo D. (2004). Criminalization of «migrants»: The side effect of the will to control the frontiers and the sovereign illusion // *Irregular Migration and Human Rights: Theoretical, European and International Perspective* / B. Bogusz, R. Cholewiński, A. Cygan, E. Szyszczak (eds.). Leiden and Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 90–127.
- Bourbeau Ph. (2014). Moving Forward Together: Logics of the Securitisation Process // *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 43. № 1. P. 187–206.
- Bourdieu P. (1991). *Language and Symbolic Power*. London: Polity Press.
- Buzan B., Wæver O., J. De Wilde (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Reiner
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T. J. (2004). Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research // *Justice Quarterly*. Vol. 19. № 2. 249–273.
- Haggerty K. D., Ericson R. V. (2000). The Surveillant Assemblage // *British Journal of Sociology*. Vol. 51. № 4. P. 605–622.
- Lamberth J. (2004). Ann Arbor Police Department Traffic Stop Data Collection Methods and Analysis Study: Report for the City of Ann Arbor. URL: https://annarborchronicle.com/wp-content/uploads/2012/07/A2_FinalReport_012204_v6co.pdf (дата доступа: 12.06.2023)
- Lyon D. (2009). Surveillance, Power, and Everyday Life // *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies* / C. Avgerou, R. Mansell, D. Quah, R. Silverstone (eds.). New York, NY: Oxford University Press. P. 449–472.
- MVA, Miller J. (2000). Profiling Populations Available for Stops and Searches. Police Research Series Paper 131. London: Home Office. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Profiling-Populations-Available-for-Stops-and-Miller/1005d76d353c62fcd4bf334cfd6068079f09b13d> (дата доступа: 12.06.2023)
- State v. Soto. (1996). 324 N.J. Super. 66 (N.J. Super. App. Div. 1996)

- Trombetta M. J.* (2014). Linking climate-induced migration and security within the EU: insights from the securitization debate // *Critical Studies on Security*. Vol. 2. № 2. P. 131-47.
- Walker S.* (2001). Searching for the Denominator: Problems with Police Traffic Stop Data and an Early Warning System Solution // *Justice Research and Policy*. Vol. 3. № 1. P. 63-95.
- Wilkins v. Maryland State Police* (1994). Civ. No. MJG-93-468 USDC MD
- Wood D. M.* (2012). Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies // *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography* / J. Crampton, S. Elden (eds.). Farnham: Ashgate. P. 245-263.

Racial Profiling as a Form of Surveillance and Securitizing Practice

Kseniya S. Grigor'eva

Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Address: Krzhizhanovskogo Str., 24/35, korp. 5, Moscow, 117218 Russia

E-mail: kseniagroryeva@yandex.ru

Racial profiling research is a relatively new, dynamically developing field of knowledge, attracting the growing attention of the scientific community. However, the development of this area is associated with a number of theoretical and methodological problems. In addition to the difficulty of reliably establishing the racial imbalance itself in the law enforcement system using the currently existing methodological approaches, there is the problem of insufficient theoretical understanding of the phenomenon. Criminal justice studies, which traditionally include the study of racial profiling, are not very rich in theoretical approaches. As a rule, they focus on the discrepancy between legally established norms and real practices, and are more descriptive than analytical. In addition, focusing exclusively on the work of the police unnecessarily narrows the research field, leaving behind the scenes actors who are actively involved in the initiation and implementation of racial profiling, but are not directly related to the security field. This article attempts to place the issue of racial profiling within the broader context of the study of surveillance and securitization, using a case study of special controls on people from the Caucasus, Central Asia, Ukraine, and Roma in Russia.

Keywords: racial profiling; criminal justice studies; supervision; securitization

References

- Bessonov N. V. (2000) *Tsygane i pressa* [Roma and the press]. Issue. 1. Available at: <http://gypsy-fond.com/pressa1> (accessed 12 June 2023)
- WCIOM (2009) *Tolerantnost' protiv ksenofobii: etnicheskiye simpatii i antipatii rossiyan* [Tolerance against xenophobia: ethnic sympathies and antipathies of Russians]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tolerant->

- nost-protiv-ksenofobii-etnicheskie-simpatii-i-antipatii-rossiyan (accessed 12 June 2023)
- Grigoryeva K. (2019) Rasovoye profilirovaniye. Istoriya i sovremennoye sostoyaniye issledovaniy [Racial profiling: the history and current state of research]. *Demographic Review*, vol. 6, no 4, pp. 104–127.
- Grigor'eva K. (2020) Etnicheski izbiratel'nyy kontrol': disfunktsiya pravookhranitel'noy sistemy ili sotsial'nyy institut? [Racial discrimination in policing: dysfunction in the law enforcement system or a social institution?] *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 18, no 2, pp. 299–312.
- Gudkov L. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov. [Negative identity. Articles 1997–2002]*, Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, «WCIOM-A».
- ECRI (2007) *ECRI General Policy Recommendation N11 on combating racism and racial discrimination in policing*, Strasbourg: Council of Europe. Available at: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-11-on-combating-racism-and-racial/16808b5adf> (accessed 12 June 2023)
- Levada-Center (2015) *Rossiysko-ukrainskiye otnosheniya v zerkale obshchestvennogo mneniya: sentyabr' 2015 [Russian-Ukrainian Relations in the Mirror of Public Opinion: September 2015]*. Available at: <https://www.levada.ru/2015/10/05/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya-sentyabr-2015/> (accessed 12 June 2023)
- Foucault M. (1999) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Translated from the French by V. Naumov. Ed. by I. Borisova, Moscow: Ad Marginem.
- Ball K. (2002) Elements of Surveillance: A New Framework and Future Direction. *Information, Communication and Society*, vol. 5, no 4, pp. 573–590.
- Bigo D. (2002) Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease. *Alternatives*, vol. 27, Special Issue, pp. 63–92.
- Bigo D. (2004) Criminalization of «migrants»: The side effect of the will to control the frontiers and the sovereign illusion. *Irregular Migration and Human Rights: Theoretical, European and International Perspective*. Eds. B. Bogusz, R. Cholewiński, A. Cygan, E. Szyszczak, Leiden and Boston: Martinus Nijhoff Publishers, pp. 90–127.
- Bourbeau Ph. (2014) Moving Forward Together: Logics of the Securitisation Process. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 43, no 1, pp. 187–206.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*, London: Polity Press.
- Buzan B., Wæver O., J. De Wilde (1998) *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder, CO: Lynne Reiner.
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T. J. (2004) Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*, vol. 19, no 2, pp. 249–273.
- Haggerty K. D., Ericson R. V. (2000) The Surveillant Assemblage. *British Journal of Sociology*, vol. 51, no 4, pp. 605–622.
- Lamberth J. (2004) *Ann Arbor Police Department Traffic Stop Data Collection Methods and Analysis Study: Report for the City of Ann Arbor*. Available at:

- borchronicle.com/wp-content/uploads/2012/07/A2_FinalReport_012204_v6co.pdf (accessed 12 June 2023)
- Lyon D. (2009) Surveillance, Power, and Everyday Life. *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies*. Eds. C. Avgerou, R. Mansell, D. Quah, R. Silverstone, New York, NY: Oxford University Press, pp. 449—472.
- MVA, Miller J. (2000) Profiling Populations Available for Stops and Searches. *Police Research Series Paper 131*, London: Home Office. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Profiling-Populations-Available-for-Stops-and-Miller/1005d76d353c62fcd4bf334cfd6068079f09b13d> (accessed 12 June 2023)
- State v. Soto (1996) 324 N. J. Super. 66 (N. J. Super. App. Div. 1996)
- Trombetta M. J. (2014) Linking climate-induced migration and security within the EU: insights from the securitization debate. *Critical Studies on Security*, vol. 2, no 2, pp. 131-47.
- Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. (eds.) (2011) *Militsiia i etnicheskie migranty: praktiki vzaimodeistviia* [Police and ethnic migrants: practices of interaction], St-Petersburg: Aleteya.
- Walker S. (2001) Searching for the Denominator: Problems with Police Traffic Stop Data and an Early Warning System Solution. *Justice Research and Policy*, vol. 3, no 1, pp. 63–95.
- Wilkins v. Maryland State Police (1994) Civ. No. MJG-93-468 USDC MD
- Wood D. M. (2012) Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies. *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. (Eds. J. Crampton, S. Elden). Farnham: Ashgate, pp. 245—263.